

Странствия цыганского барона

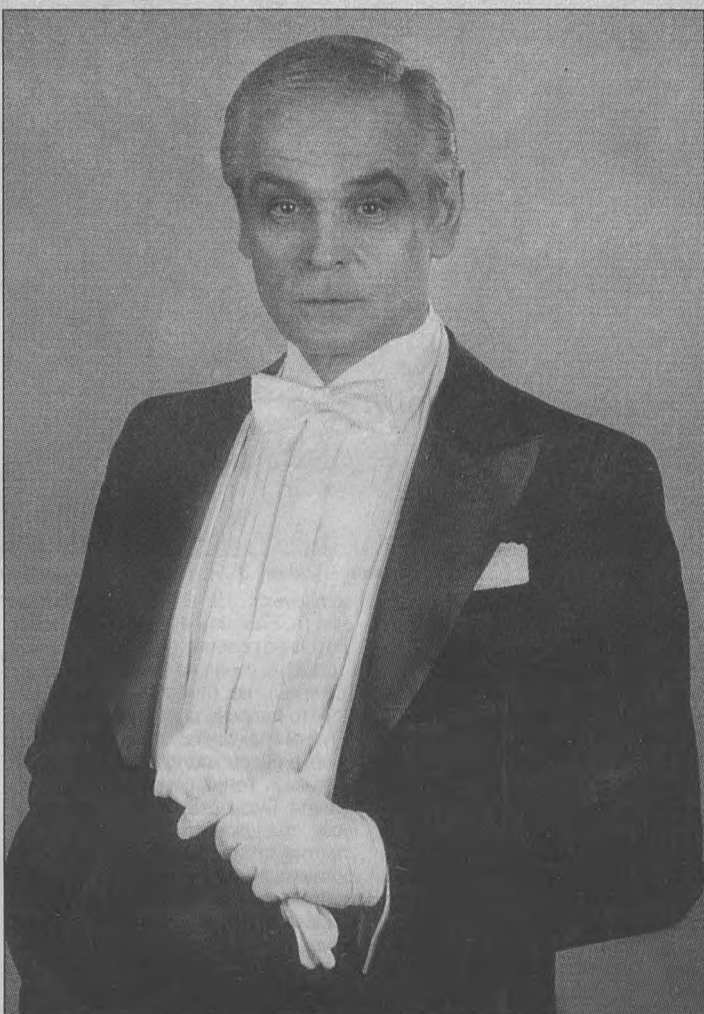
Герард Васильев. Выбор пути

Свою книгу воспоминаний премьер Московского театра оперетты, народный артист России Герард ВАСИЛЬЕВ назвал "Роли, которые нас выбирают". В отличие от иных мемуаристов, Васильев рассказывает только о тех, кому считает себя обязанным, — родных, чужих, педагогов, партнеров, режиссеров, администрации... А жизнь у мальчика, потерявшего родителей в первые годы войны, совсем нелегкая. Хорошо еще, что его новым домом стало Суворовское училище, откуда, казалось бы, прямая дорога в кадровую армию. Но судьбе было угодно наградить бравого курсанта с великоленными внешними данными отличным голосом, которым грех было бы не воспользоваться. И вот уже несколько десятилетий Герард Вячеславович служит верой и правдой оперетте. Его знают и любят зрители далеко от Москвы, потому что он охотно гастролитрует по стране и миру. А еще много лет рассказывает о любимом жанре и его выдающихся мастерах по радио. Книга написана легко, просто. Впрочем, это можно заметить и по тому фрагменту, который мы сегодня предлагаем вниманию читателей.

"Еще за месяц до госзамена в Ленинградской консерватории я пел в Новосибирск. Там в Театре музыки работал режиссером Витя Макаров, наш ленинградский знакомый. Он позвонил и сказал, что меня хотят прослушать. Я прилетел в Новосибирск, спел Эпигану, каватину Фигаро и понравился руководству театра. На другой день я должен был улетать в Ленинград, утром зашел в театр, чтобы получить билет на самолет. Но меня встретил директор Иннокентий Васильевич Серебряков и сказал: "Нет, Герард Вячеславович, вы полетите завтра. Сегодня вечером вас хочет послушать первый секретарь обкома партии товарищ Горячев". — "Как послушать? А где я буду петь?" — "Вы будете петь на телевидении". — "А он туда придет?" — "Нет, он в это время будет пить дома чай у телевизора, и вас как раз пустят в эфир".

присутствовал при этом разговоре, сказал: "Иннокентий Васильевич, а может быть, мы восстановим "Цыганского барона"?". — "А что, — сказал Серебряков, — это идея! Будете петь Баринка, — это идея! Будете петь Баринка?" Я, слышавший до этого разговора только арию Баринка, да и то краем уха, ответил: "Ну а почему бы нет, если вы считаете, что это интересная работа". Тут же в газете была помещена моя фотография и напечатано, что театр возобновляет постановку оперетты Штрауса "Цыганский барон", в роли Баринка выступит уже полюбившийся новосибирским зрителям Герард Васильев.

"Цыганский барон" был поставлен Александром Зиновьевичем Юреликом, артистом Московского театра оперетты. Это была его дипломная работа по окончании режиссерских курсов. В Новосибирском театре полюбились Александру Зиновьевичу и говорили о нем так, как будто он толь-

Г.Васильев: "Фрак — это мой скафандр на сценической орбите"

Г.Васильев в оперетте И.Штрауса "Цыганский барон" в Пражском музыкальном театре "Карлин"

Вечером меня привезли на телевидение. В пустой студии я приготовился, встал к роялю и по команде "мотор" начал петь. Был прямой эфир. Аккомпанировала мне Гая Рубцова.

На другое утро, когда я пришел в театр, Иннокентий Васильевич сказал, что Горячев позвонил ему и похвалил за то, что тот нашел хорошего артиста. Надо сказать, что Горячев был театралом и по-настоящему следил за культурной жизнью города.

Я прилетел домой, спел госзамен, получил свою "тройку" и решил поехать пробоваться в стажерскую группу Большого театра.

Из огромного количества претендентов обсуждали всего семь человек, в том числе и меня. А взяли шестерых. Эти певцы с блестящей пелотом на сцене Большого, сейчас все они уже закончили свою вокальную карьеру. А мне тогда было сказано: "Молодой человек, вы нам понравились, но у вас мало опыта работы в театре, выступлений с оркестром. Поезжайте, поработайте на периферии, а через годик снова приезжайте". Я и поехал в Новосибирск, только не в оперный театр, а в театр музыкальной комедии. Туда, где я был нужен, где меня уже ждали. Вот так закончилась моя оперная карьера.

Как только я приехал в Новосибирск, меня стали готовить к роли Эдвина в "Сильве". В это же время я начал репетировать "Верку и альфе паруса" с режиссером Анатолием Кордунером, но Эдвина сыграл раньше.

Постановщиком "Сильвы" был Аркадий Михайлович Воронцов, заслуженный артист России, ведущий комик театра, рафинированный, утонченный человек, таких называют Актер Актеры. И вот он стал меня вводить в Сильву.

Честно говоря, не помня тех новосибирских мизансцен, я хорошо помню, как Аркадий Михайлович показывал их мне на первой репетиции. Он никак не мог освоить мою имю и отчество. Поскольку я был представлен труппе директором как Герард Вячеславович, то на вопрос Аркадия Михайловича как меня зовут, так и ответил: "Герард Вячеславович". — "Значит, так, — он начал показывать мизансцены. — Здесь вы пойдете туда, здесь сюда, простите, как вас зовут?" — "Герард Вячеславович", — снова ответил я. Так продолжалось несколько раз. Наконец, на очередной вопрос, как меня зовут, я сказал: "Меня зовут Гера". "Герочка, дорогой, — воскликнул он с облегчением, — тут все очень просто, ты говоришь: "Сильва" и протягиваешь к ней руку. — Люблю тебя! — и протягиваешь обе руки. — Ты жизнь моя, мечта моя!" — подхлудил к ней и ... опускаешь руки. Вот и все". Я повторил. "Ну вот, видишь, молодец, все получается, пошли дальше". Признаться честно, больше я никогда так не делал.

После успешного дебюта в "Сильве" и удачно сыгранной роли Игоря в спектакле "Верка и альфе паруса" директор театра пригласил меня к себе и спросил: "А что бы вы еще хотели сыграть в нашем театре?" Я замямлся, и тогда кто-то, кажется, замдиректора Яков Григорьевич Юберник, который

В редкие минуты отдыха

ко вчера уехал, а ведь прошло уже несколько лет. Однажды во время спектакля я заметил, что хор все время убегает в комнату отдыха. Мне стало интересно, в чем дело, и когда у меня был перерыв между выходами, я зашел туда. Оказалось, что по телевидению шел спектакль Московского театра оперетты "Сто чертей и одна девушка", где роль предводителя сектантов Агафона играл Александр Юрелик. "Наш Саша!" — с гордостью и любовью говорили работники театра. Когда я пришел работать в Московский театр оперетты и увидел этого человека, мне показалось, что мы не только давно знакомы, а просто родные люди.

"Цыганский барон" имел яркое продолжение в моей жизни. В 1972 году группа артистов Московского театра оперетты поехала в Прагу. Это было всего четыре года спустя после известных событий 1968 года. В пражском театре "Карлин" состоялась премьера музыкальной комедии А.Эшпая "Нет меня счастливей", которую поставил режиссер нашего театра Игорь Сергеевич Барабашов. Тогда существовал обычной обмене ведущими солистами, и мы — Александр Юрелик, Элла Ряховская, Светлана Варгузова, Капитолина Кузмина, Вячеслав Богачев и я — приехали играть спектакль. В то время было принято, чтобы советские артисты обязательно давали концерт в своем посольстве. Я репетировал куплеты Баринка на концертмейстером театра "Карлин" паном Маршаком, когда в репетиционный класс вошли директор и главный дирижер театра. После того, как я закончил арию, они спросили, не хотел бы я сыграть "Цыганского барона" у них в театре. "Почему же, хотел бы", — ответил я. "А смогли бы вы сыграть на чешском языке?" — "Смог бы". С одной стороны, это было необдуманное за-

познакомились с главным режиссером театра "Ф.Бурмана" Иозефом Паулом и его женой Леной. Иозеф отлично знал русский язык, переводил и ставил пьесы А.Вампилова. Когда я ему объяснил, почему мы подошли, и попросил "интернациональной" помощи, он сказал: "Конечно, никаких проблем, только это невозможно". — "Как невозможно?" — "Невозможно выучить роль по-чешски". Я возразил, что в консерватории пел на итальянском и немецком языках. "С чешским языком это невозможно. Вас не поймут". Я сказал: "Ладно, вы ведь отдыхаете, кино сегодня вечером не будет. Давайте посидим, почитаем, я вам продемонстрирую, как я читаю, что я запомнил. Если вас не затруднит, наш номер такой-то".

Вечером он пришел, мы вышли на балкон, где на столе стояли фрукты и вино, немножко выпили, и я стал демонстрировать свои способности. Он цкал языком, качал головой, но я продолжал читать. Конечно, увидев, что я все сам перевел, он оценил мой "титанический" труд и, будучи творцом, проникся уважением к молодому артисту, который проделал такую большую работу.

Я, честно говоря, уже был к тому времени достаточно уверен, что могу прочитать роль, проблема была в том, чтобы запомнить. Текст приходилось

на первую репетицию я пришел с пьесой в руках, чтобы тренироваться в произношении, слушая чешскую речь. У рояля сидел концертмейстер пан Маршак. Больше никого не было. Мы подождали минут пять... Я понимал, что для чехов пять минут опоздания это очень много. А когда опаздывают все вместе — это что-то значит. Сделав вид, что ничего не понимаю, а если понимаю, то не придаю этому значения, сказал пану Маршаку: "Давайте попоем", приоткрыл дверь класса и начал петь: "Во выгнанстве за тех пар лет сем процесто вал целый свет..." — так начинается по-чешски ария Баринка. Пан Маршак на меня глянул, увидел, как смело я "поливаю" по-чешски, оглянулся на открытую дверь, не прекращая аккомпанировать, в голос засмеялся и, подмигнув, с улыбкой продолжал играть. Он все понял. Когда мы закончили арию, он сказал: "Ты молодец! Они немножечко швейкуют. Завтра все будет на репетиции".

На следующий день пришли все, в том числе исполнитель роли Баринка Зденек Матеуш. Мы прошли по всему спектаклю, и Зденек, водя меня за руку, показал географию всех мизансцен.

После репетиции он, глядя на мои ботинки, спросил: "У тебя есть какие-то проблемы в городе?" Я действительно собирался купить новые ботинки, поскольку мои не очень годились для осени и вообще были не очень. Мы пошли с ним в магазин. В то время в Чехословакии по сравнению с Советским Союзом хорошей обуви было много, и, что самое главное, она была недорогой. Я выбрал себе высокие ботинки на клетчатой, черной с красным, подкладке, которые потом носил много лет. Когда я достал бумажник, чтобы расплатиться, Зденек сказал: "Чкай!" (подожди), оплатил ботинки, вручил их мне и сказал: "Носи!" На мой возражения он ответил: "Ты мой подарок в честь нашего знакомства". Я, желая хоть как-то отблагодарить Зденека, хотел приласкать его в кафе или ресторан. Но он опять определил меня: "А теперь обмоем" поупуку! Мы пришли в кафе, где ели татарский бифштекс, запивая его красным вином. Зденек и здесь определил меня: я и не заметил, как он расплатился. "Ну, теперь я спокоен за тебя, ты будешь играть эту роль хорошо", — сказал Матеуш, когда мы выходили из кафе.

В работе над этим спектаклем мы подружились. В течение двух месяцев я занимался с главным дирижером театра Иозефом Йомолкой. Впелал партию Баринка и даже записал несколько арий из оперетты с Пражским оркестром радио и телевидения под его управлением. Несколько лет спустя мы встретились с паном Йомолкой в Берлине на концерте, посвященном столетию Кальманна. Я был тогда нездоров, очень нервничал на репетиции, и пан Йомолка попросил нашего дирижера Эльмара Абуслиамова: "Эльмар, позволь я прорепетирую Гертке арию мистера Икса". Мы с ним тогда удачно выступили.

После двух месяцев репетиций "Цыганский барон" с моим участием записали на телевидении. Эту пленку потом крутили по всей Европе. Два месяца в Праге пролетели незаметно. Я уже был готов сыграть спектакль, но Министерство культуры затребовало меня назад, в Москву — срок командировки закончился. Правда, через две недели мне разрешили вернуться.

И вот в декабре, когда уже падал снег, я сыграл несколько представле-

рты. Это было очень торжественно.

Надо сказать, что во время обеда нас обносили вином, и актер Виктор Парчинский, видимо, позволил себе лишний бокальчик. Стоя в хоре, будучи в хорошем настроении, он несколько выделялся на общем фоне и слишком громко выкрикивал некоторые слова. Георгий Павлович, который стоял за кулисами, быстро кого-то подослал, Виктора сдернули с лестницы и убрали со сцены. Алексею Алексеевичу Феона, который исполнял тогда административные обязанности, было поручено доставить Парчинского в гостиницу, что он и сделал, после чего вернулся в театр.

Витя немного очухался и ступился в ресторан, где прекрасно провел оставшуюся часть вечера. Правда, дело осложнялось тем, что денег у него на тот момент не было, нам выдали только часть суточных, и Витя в первый же день гастролей, называясь у других актеров по сто крон, купил же не шубу. Поэтому, когда встал вопрос об оплате, он скромно назвал номер комнаты Георгия Павловича.

После концерта Георгий Павлович собрал у себя в номере некоторых актеров, я был в их числе, чтобы обсудить завтрашний спектакль. Раздался стук в дверь. Георгий Павлович по-чешски сказал: "Войдите". Вошел служащий в униформе отеля и протянул ему счет. Георгий Павлович спокойно достал бумажник и расплатился, оставив служащему на чай. Когда дверь за ним закрылась, он также спокойно сказал: "Завтра Парчинского отправить в Москву".

Витю отправили в Москву, он, счастливый, уехал с шубой, которую так вовремя приобрел. Впоследствии он, конечно, раздал долги, но отдавал не по сто крон, как занимал, а в пересчете на русские деньги, то есть по десять рублей.

После гастролей театр улетал в Москву, а я уезжал в Прагу, за мной специально приехал директор театра "Карлин" Индржих Янда. Уже в Праге чешские актеры показали мне интервью с Георгием Павловичем в какой-то чешской газете, где журналист задал ему вопрос: "Вы оставляете здесь, в Чехословакии, своего ведущего актера, что вы можете сказать по этому поводу?" Не знаю, правильно ли был сделан перевод, но мне сказали, что Георгий Павлович говорил примерно следующее: "Я очень рад, что он пришел ко двору, что он вам нужен. Ну а мы обойдемся, у нас таких артистов много". Мне, оставшемуся там, на другой же день ощутившему себя одиноким в малознакомой стране, такие слова моего художественного руководителя показались обидными.

На первую репетицию я пришел с пьесой в руках, чтобы тренироваться в произношении, слушая чешскую речь. У рояля сидел концертмейстер пан Маршак. Больше никого не было. Мы подождали минут пять... Я понимал, что для чехов пять минут опоздания это очень много. А когда опаздывают все вместе — это что-то значит. Сделав вид, что ничего не понимаю, а если понимаю, то не придаю этому значения, сказал пану Маршаку: "Давайте попоем", приоткрыл дверь класса и начал петь: "Во выгнанстве за тех пар лет сем процесто вал целый свет..." — так начинается по-чешски ария Баринка. Пан Маршак на меня глянул, увидел, как смело я "поливаю" по-чешски, оглянулся на открытую дверь, не прекращая аккомпанировать, в голос засмеялся и, подмигнув, с улыбкой продолжал играть. Он все понял. Когда мы закончили арию, он сказал: "Ты молодец! Они немножечко швейкуют. Завтра все будет на репетиции".

На следующий день пришли все, в том числе исполнитель роли Баринка Зденек Матеуш. Мы прошли по всему спектаклю, и Зденек, водя меня за руку, показал географию всех мизансцен.

После репетиции он, глядя на мои ботинки, спросил: "У тебя есть какие-то проблемы в городе?" Я действительно собирался купить новые ботинки, поскольку мои не очень годились для осени и вообще были не очень. Мы пошли с ним в магазин. В то время в Чехословакии по сравнению с Советским Союзом хорошей обуви было много, и, что самое главное, она была недорогой. Я выбрал себе высокие ботинки на клетчатой, черной с красным, подкладке, которые потом носил много лет. Когда я достал бумажник, чтобы расплатиться, Зденек сказал: "Чкай!" (подожди), оплатил ботинки, вручил их мне и сказал: "Носи!" На мой возражения он ответил: "Ты мой подарок в честь нашего знакомства". Я, желая хоть как-то отблагодарить Зденека, хотел приласкать его в кафе или ресторан. Но он опять определил меня: "А теперь обмоем" поупуку! Мы пришли в кафе, где ели татарский бифштекс, запивая его красным вином. Зденек и здесь определил меня: я и не заметил, как он расплатился. "Ну, теперь я спокоен за тебя, ты будешь играть эту роль хорошо", — сказал Матеуш, когда мы выходили из кафе.

В работе над этим спектаклем мы подружились.

В течение двух месяцев я занимался с главным дирижером театра Иозефом Йомолкой. Впелал партию Баринка и даже записал несколько арий из оперетты с Пражским оркестром радио и телевидения под его управлением. Несколько лет спустя мы встретились с паном Йомолкой в Берлине на концерте, посвященном столетию Кальманна. Я был тогда нездоров, очень нервничал на репетиции, и пан Йомолка попросил нашего дирижера Эльмара Абуслиамова: "Эльмар, позволь я прорепетирую Гертке арию мистера Икса". Мы с ним тогда удачно выступили.

После двух месяцев репетиций "Цыганский барон" с моим участием записали на телевидении. Эту пленку потом крутили по всей Европе. Два месяца в Праге пролетели незаметно. Я уже был готов сыграть спектакль, но Министерство культуры затребовало меня назад, в Москву — срок командировки закончился. Правда, через две недели мне разрешили вернуться.

И вот в декабре, когда уже падал снег, я сыграл несколько представле-

ний "Цыганского барона". Чувствовал себя уверенно. В голове устаканился сложный чешский текст, вокруг были друзья, и я уже был своим в этой труппе.

Пражские газеты писали: "Московский артист Герард Васильев исполнил партию Баринка в спектакле "Цыганский барон" пражского театра "Карлин". Он млувит (говорит) чешски (по-чешски), а поет "частично чешски, частично на матершине (на родном языке)".

В Праге у меня появились новые друзья и среди моих соотечественников. Людмила Черкасова, жена первого секретаря нашего посольства, не пропустила ни одного спектакля "Цыганский барон" с моим участием, и, как положено по протоколу, Игорь Александрович Черкасов сопровождал жену на каждое представление. Мы подружились и часто встречались потом и в Праге, и в Москве, хотя тогда, я думаю, Игорь Александрович порядком устал от "Цыганского барона".

Однажды по делам службы Игорь Александрович был в Болгарии. С ним приключился тяжелый грипп, он лежал в гостинице с температурой. Но в программу его пребывания было включено посещение оперы с участием Николая Йгурова. Игорь Александрович, превозмогая болезнь, спустился вниз и сел в машину. Какова же была его реакция, когда на полпути ему сказали, что запланированный спектакль не состоится по причине неприятия Йгурова, а его везут в театр имени Стефана Македонского слушать "Цыганского барона".

Довольный моим успехом у публики, директор театра Индржих Янда решил найти мне еще какую-нибудь работу. Мне предложили сыграть Неаполитанского гостя в оперетте Фримля "Король бродяг", эта роль была специально придумана для меня. Я появился при французском дворе и пел две неаполитанские песни.

Когда я уезжал из Праги, Иозеф Йомолка с сожалением сказал: "Если бы ты мог несколько лет, хотя бы два года, поработать с нами, то мы бы с тобой обзвонили всю Европу". — "Но я же не знаю немецкого языка". — "Мы бы тебя научили".

Через какое-то время пражане прислали в дар Центральному телевидению копию съемки спектакля "Цыганский барон". Меня позвали на телевидение и показали ролик. После просмотра было сказано: "В общем-то это интересно. Пожалуй, можно показать монтаж спектакля, только надо найти форму". Лида тогда предложила: "Я попытаюсь сделать сценарий". Сценарий приняли.

Передача начиналась с увертюры Штрауса и видов Праги, за кадром шел рассказ о театре, его актерах и наших дружеских связях. Затем — кадры спектакля, несколько фраз я переводил с чешского на русский, а потом, в специально сделанной декорации, в костюме Баринка продолжал рассказывать сюжет, периодически "выходя в кадр". Получилось интересно. Так я отчитался о своей работе в Праге перед нашими почитателями оперетты и был счастлив, что смог хоть чем-то ответить на дружескую акцию чешских коллег. К сожалению, ни пленка с записью спектакля, ни монтаж не сохранились.

Каждая роль, сыгранная актером, играет какую-то роль в его судьбе. Оглядываясь на прошлое, могу сказать, что одним из самых ярких событий в моей жизни стал "Цыганский барон".

Я нигде не собирался уезжать из Новосибирска. Мечтал, что, когда появятся деньги, построю дом на Оби, куплю лодку с парусом...

Близились ноябрьские праздники, Лида собиралась прилететь в Новосибирск. Мне было уже достаточно грустно и одиноко, почти всю зарплату молодого артиста я тратил на телефонные звонки в Ленинград. Накануне ее прилета я пошел в ЗАГС и подал заявление.

Поскольку мы оба вступали в брак по второму разу, регистрация во Дворце бракосочетания нам не попала. Но ЗАГС оказался закрыт на ремонт. Поэтому мы все-таки распишались во Дворце бракосочетания под марш Мендельсона и речи о том, что "наш корабль отправляется в бурное плавание..." Директор театра Иннокентий Васильевич Серебряков был свидетелем со стороны жениха. Замдиректора Яков Григорьевич Юберник — со стороны невесты. Свадьба как таковой не было, был торжественный обед в доме Юберника, в кругу его милой патриархальной семьи.

Работы в театре было много. Я так окупился в это... Был нужен, востребован. Шутка ли, одну роль сыграл, и меня сразу директор спрашивал, что я дальше хочу сыграть. Сыграл Эдвина, потом "Верку и альфе паруса", потом "Цыганский барон", потом репетировал Данило и Хипитина... Хипитина сыграли без меня, Стасик Савич играл.

Иннокентий Васильевич Серебряков и Яков Григорьевич Юберник сыграли великую роль в моей жизни. Мои первые шаги в театре были окрещены добрым вниманием руководства, а это очень важно для начинающего артиста. Я не рассматривал Новосибирск как кратковременное пристанище. Но... Жена не нашла работу, квартиру мне дали не сразу, правда, я точно знал, что за этот сезон не был сдан ни один жилой дом. Но самое главное — Анатолий Кордунер, мой первый режиссер, которому я верил и с которым хотел работать, вел переговоры о своем возвращении в Москву. Меня обидело и то, что, будучи и.о. главного режиссера, он даже не поинтересовался моим вводом в "Веселую вдову", а ведь его советы, поддержка очень много для меня значили. Поэтому, когда пришла приглашение из Московского театра оперетты, вопрос о моей работе в Новосибирске был уже закрыт. Хотя, уезжая на гастроли в Калинин, я получил ключи от двухкомнатной квартиры в то, что было выстроенном доме, окна которого смотрели прямо на театр...

Интересно, как бы сложилась жизнь, если бы я остался...